

Преследование и искусство письма*

Лео Штраус

Аннотация. Текст «Преследование и искусства письма» Лео Штрауса является одним из самых важных философских и философско-политических текстов в XX веке. Эта статья 1941 года, впоследствии вошедшая как ключевая глава в одноименную книгу 1952 года, стала важнейшим источником специальной методологии работы с «великими текстами» Платона, Аристотеля, Макиавелли, Гоббса, Локка и т. д. В этой статье Лео Штраус предложил читать «великие тексты» экзотерически и эзотерически, то есть вчитываться «между строк», чтобы лучше понять замысел автора. Конечно, авторы не всегда прибегают к этому методу тайного письма, но Лео Штраус доказывает, почему у великих философов были причины писать «между строк», и пытается дать инструментарий, чтобы понимать, в каких случаях это могло иметь место. Этот текст впоследствии не только многие историки политической философии приняли за главную установку при работе с источниками, но статью неоднократно вспоминали и самому Штраусу, обвиняя его в том, что он и сам писал «между строк».

Ключевые слова. Интерпретация, эзотеризм, экзотеризм, история политической философии, истина, преследование, принуждение, благородная ложь, искусство письма.

То, что давление часто становится освободителем
для разума, — самый унижительный, но в то же
время самый бесспорный исторический факт.

У. Э. Х. Леки

I

Во многих странах, где на протяжении целого века люди наслаждались практически полной свободой общественных дискуссий, ныне эта свобода подавлена. Ей на смену пришел контроль над высказываниями и господство тех взглядов, которые считает правильными государство. Стоит в общих чертах рассмотреть эффект, оказываемый подобным принуждением-преследованием на мысли, равно как и на действия¹.

---

* Пер. с англ. Е. Кухарь под ред. А. В. Павлова. Источник: *Strauss L. (1952). Persecution and the art of writing // Strauss L. Persecution and the art of writing. Chicago: University of Chicago Press. P. 22–37.*

© Кухарь Е., 2012

© Павлов А. В., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

1. *Scribere est agere (лат.)* — «Писать — значит совершать действие». См.: Blackstone, 1765–1769: Book IV, Chap. 6. [Речь идет о «Комментариях к законам Англии» английского судьи Уильяма Блэкстона (1723–1780). — *Прим. ред.*]. Ср.: Макьявелли, 2004: III, 6 и; Декарт, 1989: VI (начало).

Подавляющее число людей — в основном представители молодого поколения² — принимают навязанные государством взгляды если не сразу, то спустя некоторое время. С помощью чего их переубеждают? Какую роль здесь играет фактор времени? Этих людей не убеждали насильно, да и принуждение напрямую никогда не ведет к убежденности. Принуждение лишь расчищает для нее дорогу, замалчивая факт существования какого-либо сопротивления. То, что зовется свободой мысли, в большинстве случаев приравнивается (а на практике и сводится) к возможности выбрать между несколькими взглядами, которые предлагаются небольшой группой людей — ораторами или писателями³. Если и этот выбор запрещен, уничтожается единственный вид интеллектуальной свободы, на которую способно большинство и которая имела какое-либо политическое значение. В условиях преследования развивается так называемая *logica equina* («лошадиный разум»). О несущемся на колеснице Пармениде⁴ или о Гулливеровых гуингнмах⁵ никто не может точно и обоснованно заявить: «Это — ложь». То есть вранье недоказуемо. И такая логика применима не только к лошадям и философам на колесницах — она часто, пусть и модифицированным образом, определяет мысли многих людей. Люди привыкли к тому, что человек может лгать и лжет. Однако, добавляют они, ложь недолговечна и не может пройти проверку повторением, не говоря уже о постоянном повторении. По этой причине утверждение, многократно повторяемое и не встретившее опровержения, наверняка является правдой. Еще один их аргумент состоит в том, что если сделанное простым человеком заявление еще может быть ложью, то заявление, звучащее из уст человека уважаемого, несущего большую ответственность, а следовательно, и занимающего высокую должность, — наверняка достоверно. Эти два силлогизма приводят к выводу, что истинность утверждения, которое многократно озвучено высшими чинами и не подвергнуто ничьей критике, — вне сомнений.

2. «Сократ: Но как заставить поверить этому мифу — есть ли у тебя для этого какое-нибудь средство? Главкон: Никакого, чтобы поверили сами [первые] стражи, но можно это внушить их сыновьям и позднейшим потомкам. Сократ: Однако уже и это способствовало бы тому, чтобы граждане с большей заботой относились и к государству, и друг к другу: я примерно так понимаю твои слова» (Платон, 1994а: 415 с6–d5).

3. «Разум есть способность выбора» — центральный тезис «Ареопагитики» Джона Мильтона. См.: Милтон Д. (1995). Арёопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644) / пер. с англ. С. В. Шервинского // О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли / под ред. М. А. Абрамова. М.: Наука. С. 19–47. — Прим. ред.

4. «Кони, несущие меня, куда только мысль достигает, / Мчали, вступивши со мной на путь божества многовещий, / Что на крылах во Вселенной ведет познавшего мужа, / Этим путем я летел, по нему меня мудрые кони, / Мча колесницу, влекли, а Девы вожатыми были» (Парменид. [1989]. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / под ред. А. В. Лебедева. М.: Наука. С. 295). — Прим. пер.

5. Гуингнм (hoуhnhnm) — сочиненное Дж. Свифтом слово, является подражанием ржанию лошадей. «После... караковый конь попробовал научить меня еще одному слову, гораздо более трудному для произношения; согласно английской орфографии его можно написать так: hoуhnhntt (гуингнм)» (Свифт Д. [1976]. Путешествия Гулливера / пер. с англ. под ред. А. А. Франковского // Свифт Д. Сказка бочки. Путешествия Гулливера. М.: Художественная литература. С. 327). — Прим. пер.

Однако в странах, где живут люди, не подчинившие свое мышление правилам *logica equina* (иными словами, люди, способные на истинно независимое мышление), нельзя принудительно навязать взгляды «сверху». Преследование не может помешать независимому мышлению. Оно не может остановить выражение независимой мысли: ибо поделиться правдой, которую ты знаешь, с благожелательно настроенными, достойными доверия, рассудительными друзьями — предприятие достаточно безопасное как двести лет назад, так и сегодня (Платон, 1971: 450 d3–e1). Более того, преследование не может остановить даже публичное выражение «еретических» мыслей: человек с независимым мышлением может высказать свои взгляды на людях и оставаться нетронутым, если он, к примеру, передвигается с осторожностью и способен скрыться. Он также может высказывать свои мысли в письменном виде, не навлекая на себя опасность, если умеет «писать между строк».

Собственно, именно выражение «писать между строк» и обозначает предмет этой статьи. Для литературы результат преследования таков: под его влиянием писатели-бунтари развивают определенную технику письма — технику завуалированного изложения собственных идей. Словосочетание «писать между строк» сугубо метафорично. Любая попытка избежать метафор, поясняя его значение, приведет нас к настоящей *terra incognita* — к полю, чьи просторы пока неизвестны ученым и требуют еще более важного и чрезвычайно интригующего исследования. И можно без преувеличений сказать, что единственно правильный путь подготовки к нему начинающий исследователь пройдет, читая труды риториков Античности.

Возвращаясь к нашему предмету, рассмотрим простой пример, который, я верю, не настолько далек от реальности, как это может поначалу показаться. Мы легко можем представить себе историка, живущего в тоталитарной стране, в целом уважаемого члена единственной существующей партии, который находится вне всяких подозрений. Мы можем также представить, что ряд научных изысканий привел его к сомнениям в правильности одобряемых государством взглядов. Никто не может помешать историку опубликовать статью, в которой он со всей страстью обрушится, скажем, на либеральные взгляды. Однако прежде чем критиковать и атаковать эти самые взгляды, ему, безусловно, придется их изложить. Это изложение будет выдержано в тихой, невыразительной и даже слегка скучной манере, которая будет казаться неестественной. Он станет использовать множество специализированных терминов, приводить большое количество цитат и придаст чрезмерную важность несущественным деталям. Покажется, что автор предпочел священной войне человечества мелкие дрязги буквоедов. И только когда речь пойдет о самом важном, о самой сути, тогда только автор сформулирует три-четыре предложения в том лаконичном и живом стиле, который только и способен привлечь внимание юноши, привыкшего мыслить. Как ни странно, в этом центральном отрывке суть «вражеской» теории будет изложена четче, жестче и привлекательнее, чем она была сформулирована в период расцвета либеральной мысли, ибо историк негласно отсекает все нелепые «отложения» на ее теле, которые смогли сформироваться за тот период, когда либерализм, уже добившись успеха, погрузился в состояние застоя. Юный и рассудительный читатель

впервые сможет взглянуть на запретный плод. При этом критическая часть, весь основной объем произведения, будет представлять собой пересказ наиболее злобных изречений «священных книг» государства. Эти несдержанные высказывания вызовут отвращение или даже скуку у интеллигентного юноши, который именно по причине своего возраста наверняка был некогда ими пленен. А продолжив читать книгу, он обнаружит в самой расстановке цитат из авторитетных книг значительные дополнения к тем лаконичным утверждениям, которые видел в первой части произведения.

Мы видим, таким образом, как преследование способствует развитию специфической техники письма, а вследствие этого — особого рода литературы, где позиция автора по всем ключевым вопросам преподносится исключительно завуалированно. Обычно подобные тексты адресованы не ко всем читателям — лишь к достойным доверия и образованным. Такая литература имеет все преимущества личного общения, но не имеет его основного недостатка — ведь личное общение было бы ограничено только кругом знакомых автора. В то же время она обладает всеми преимуществами публичной коммуникации, избегая главного минуса — смертной казни для ее выразителя. Каким же образом может мыслитель публично обратиться к меньшинству, при этом чудом оставаясь немим для большинства читателей? Аксиома, которая делает подобное письменное высказывание возможным, такова: большинство недумаящих читателей поверхностны; только вдумчивые читатели — внимательны. Автор, желающий обратиться исключительно к вдумчивому человеку, должен только и всего — писать в такой манере, чтобы лишь очень внимательный читатель смог понять смысл, заложенный в книге. Но, могут нам возразить, существуют такие умные и внимательные читатели, которым нельзя доверять и которые, раскрыв замысел автора, разоблачат его перед властями. Что мы можем возразить? Будь Сократ не прав, когда говорил, что «добродетель — это знание», а мыслящие люди по природе своей достойны доверия и не злы, — подобная литература была бы невозможна. Однако Сократ был прав.

Еще одна аксиома (хотя она истинна ровно до тех пор, пока преследование не выходит за рамки законодательных процедур) такова: как правило, внимательный автор со средним уровнем интеллекта все же более умен, чем даже самый умный цензор. А ведь именно цензор должен доказывать, что автор является носителем или выразителем еретических взглядов. Для этого он должен доказать, что текстовые неточности в работе неслучайны, что автор использовал двусмысленные выражения намеренно и умышленно неверно формулировал то или иное предложение. То есть цензор должен доказать не только тот факт, что автор умен и в целом является хорошим писателем (ибо человек, допускающий умышленные ошибки в письме, должен для этого хорошо владеть искусством письма), но и то, что он находился на обычном уровне своих способностей, когда писал инкриминируемые ему строки. А как это можно доказать — если даже Гомер время от времени погружался в дремоту?

II

Подавление независимой мысли было частым явлением в прошлом. Разумно будет допустить, что люди, способные на независимое мышление, рождались прежде в такой же пропорции ко всем остальным, как и теперь. Допустим также, что они совмещали в себе ум и осторожность. Тогда возникает закономерный вопрос: возможно ли, что кто-то из великих мыслителей прошлых веков адаптировал свою литературную технику к «запросам» преследования, раскрывая свои взгляды на значимые проблемы исключительно между строк.

Что мешает нам свободно говорить о такой возможности, так это обычаи, возникшие благодаря изменениям в методах исторических исследований. Относительно недавно целый ряд новых принципов снискал себе широкое одобрение и стал применяться на практике. Принципы эти заключаются в следующем. Каждый период прошлого должен быть рассмотрен сам по себе — к нему нельзя применять чуждые ему нормы. Каждого автора нужно анализировать по отдельности. В интерпретации текста нельзя применять термины, которые непереводимы на язык автора и которые не употреблялись активно в его время, — насколько бы они ни были значимы. Признать верными можно только те изложения взглядов автора, которые в конечном итоге подтверждаются его же собственными четкими высказываниями. Еще один из принципов, имеющий решающее значение, таков: из сферы гуманитарного знания исключаются авторы прошлого, чьи взгляды можно понять, только вчитываясь между строк. Даже если автор не утомляет на каждой странице дотошными утверждениями, что a равно b , напротив, упоминая между строк, что a не является b , современный историк все равно будет требовать ясных свидетельств веры автора в « a — это не b ». Ожидать таких свидетельств не приходится — и вот современный историк выигрывает спор: он может игнорировать чтение между строк, считая его «произвольным угадыванием», или (если он ленив) просто признать за этим методом свойства интуитивного познания.

Применение вышеописанных принципов имело важные последствия. Еще не так давно люди, храня в памяти известные утверждения Бодена, Гоббса, Бёрка, Кондорсе и других, верили, что существует фундаментальная теоретическая разница между современной политической мыслью и политической мыслью Средних веков и Античности. Нынешнее же поколение ученых выучило со слов одного из самых популярных историков нашего времени, что «от правоведов II века до теоретиков Французской революции история политической мысли непрерывна; она меняется в своей форме и своем содержании, но ее фундаментальные понятия все же остаются неизменными» (Carlyle, Carlyle, 1927, vol. 1). До середины XIX века считалось, что Аверроэс был враждебен по отношению к какой бы то ни было религии. Но благодаря успешной критике Ренаном средневековой легенды современные ученые уже считают Аверроэса приверженцем мусульманства (Renan, 1866: 292 ff.; Gauthier, 1909: 126 ff., 177 ff.; ср: Gauthier, 1928: 221 ff., 333 ff.). Прежде авторы верили, что «упразднение религиозного и мистического мышления» характерно для подхода греческих врачей. Проходит время, и

ученые утверждают, что «врачи времен Гиппократы придерживались догм о сверхъестественном» (Edelstein, 1937: 201, 211). Лессинг, один из глубочайших специалистов в гуманитарной науке всех времен, обладавший предельно редким сочетанием учености, вкуса и философского склада ума и считавший, что бывает истина, которая не должна или не может быть озвучена вслух, утверждал, что «все древние философы» разделяли свои учения на «явное» (общепонятное, экзотерическое) и «тайное» (эзотерическое). Позже великий теолог Шлейермахер выступил с теорией, согласно которой существует только одно, единое учение платоников; суть тайного знания древних философов из практических соображений свели к содержанию «публичных речей» Аристотеля. В этой связи один из величайших гуманистов современности заявляет, что приписывание какого-либо тайного учения Аристотелю, «очевидно, является поздним изобретением, проистекающим из духа неопифагорейства» (Lessing, 1925a: Второй диалог)⁶. Согласно Гиббону, Евсевий⁷ «косвенно сознался, что поддерживал все то, что могло способствовать возвеличиванию религии, и подавлял то, что могло бросить на нее тень». Согласно же современному историку, «утверждение Гиббона о том, что церковная история чересчур пристрастна, само по себе является предвзятым суждением» (Shotwell, 1939, vol. 1: 356 ff.). Вплоть до конца XIX века многие философы и теологи считали, что Гоббс был атеистом. Сейчас многие историки гласно или негласно отрицают это. Один современный мыслитель, не считая Гоббса абсолютно верующим человеком, все же увидел в его произведениях принципы неокантианского понимания религии (Tönnies, 1925: 148)⁸. Сам Монтескье, равно как и некоторые его современники, считал, что замысел работы «О духе законов» был хорош и даже прекрасен. Лабулэ же был уверен, что очевидная спутанность этого плана, да и другие его недостатки, были обязаны своим существованием цензуре и преследованию. Один из наиболее выдающихся современных историков политической мысли при этом считает, что в работе Монтескье «мало связного содержания, а количество несоответствий чрезвычайно велико»; также, считает он, «нельзя сказать, что в „Духе законов“ Монтескье есть какой-либо план» (Sabine, 1937: 551, 556)⁹.

6. Lessing, 1925b: 147; Schleiermacher, 1804: 12–20; Jaeger, 1934: 33; см. также: Grant, 1874, vol. 1: 398 ff. и: Zeller, 1897, vol. 1: 120 ff.

7. Евсевий Кесарийский (ок. 260–339) — епископ, христианский мыслитель и писатель, автор произведения «Церковная история». — *Прим. пер.*

8. Catlin, 1922: 25; Honigswald, 1924: 175 ff.; Strauss, 1930: 80; Lubieński, 1932: 213 ff.

9. Meinecke, 1936: 139 ff., 151 (сн. 1); Laboulaye, 1875: xviii ff. Лабулэ цитирует в связи с этим важный отрывок из «Eloge de Montesquieu» д'Аламбера. См. также: Bertolini, 1875: 6, 14, 22 ff., 34, 60 ff. Ремарки д'Аламбера, Бертолини и Лабулэ являются просто пояснением того, что во введении поясняет сам Монтескье, когда, например, пишет в предисловии: «Если искать план автора, то найти его можно только в плане произведения» (см. конец Книги 11 и два письма Гельвеция: Montesquieu, 1876: 314, 320). Д'Аламбер пишет: «Мы говорим о темноте, которую можно допустить для такой работы, а также об отсутствии порядка. Однако то, что может показаться темным обычному читателю, не является таковым для тех, кого автор имеет в виду; впрочем, намеренной темноты тоже нет. Г-н де Монтескье, которому иногда приходилось высказывать значительные истины, полное и открытое выражение которых могло бы кое-кого без надобности задеть, обладал мудростью их маскировки; и он — благодаря этому невинному приему — скрыл эти истины от тех, для кого они были бы вредны, хотя для мудрых они не по-

Эта подборка примеров не случайна. Она показывает: идеи мыслителей прошлого и взгляд современных историков на них так отличаются друг от друга не только потому, что историческое знание стало более точным, но и потому, что в целом в интеллектуальном климате произошли фундаментальные изменения. За последние десятилетия многие исследователи подкорректировали либо вообще отбросили в сторону рационалистическую традицию, столь отвечающую подходам мыслителей прошлого, и большое влияние на которую все еще оказывает позитивизм XIX века. Являются ли (и если да, то до какой степени) подобные изменения прогрессивными, или, наоборот, они сигнализируют об упадке — вопрос, на который ответить может только философ.

Историку же вменяется более скромная обязанность. Он будет всего лишь по справедливости притязать на то, чтобы, несмотря на все перемены в интеллектуальной среде, традиция исторической достоверности не прерывалась. Поэтому он не станет руководствоваться произвольным мерилем точности, которое априори может исключить из гуманитарного знания наиболее значимые факты прошлого; он будет придерживаться таких правил, которые приведут его к познанию сути предмета. А правила таковы. Чтение между строк строго запрещено во всех случаях, когда применение этого метода будет менее правильным, чем его неприменение. Прежде чтения между строк должен быть произведен подробный анализ недвусмысленных высказываний автора. До того как интерпретация текста сможет обоснованно притязать на адекватность и даже правильность, должны быть детально рассмотрены контекст, в котором встречается то или иное суждение, литературные особенности всей работы, ее план. Удалять отрывок или исправлять его нельзя, прежде чем будут рассмотрены все варианты его интерпретации, в том числе тот вариант, при котором текст несет ироничный оттенок. Если признанный мастер словесности допускает ошибки, за которые пришлось бы краснеть даже студенту университета, разумно предположить, что эти погрешности преднамеренны, в особенности если автор рассуждает, как бы случайно, о возможностях умышленных ошибок в произведении. Взгляды одного из героев (даже — положительного героя) драмы или диалога не должны восприниматься как взгляды самого автора. Истинное мнение мыслителя не обязательно соответствует тому, что он говорит в большинстве своих текстов. В общем, достоверность и точность нельзя путать с отказом или неумением увидеть лес за деревьями. Настоящий историк примирится с тем, что существует огромная разница между доказательством собственной правоты и постижением того, что действительно хотел сказать великий мыслитель.

Нужно понимать, что чтение между строк не повлечет за собой полного консенсуса между всеми учеными. Но существует и контраргумент: ведь широко применяемые ныне методы также до сих пор не привели к всеобщему или хотя бы широкому согласию в отношении важных вопросов. Ученые прошлого века склонны были решать текстологические проблемы, обращаясь к генезису произведения, к анализу того, как

гибли». Точно так же некоторые современники «ритора» Ксенофонта считали, что то, «что прекрасно и методично написано — не написано ни прекрасно, ни методично» («Кинегетик», 13.6).

происходило становление мышления автора. Предполагалось, что противоречия или расхождения в рамках одной книги или между двумя книгами одного автора доказывают, что его мысль претерпела изменения. Если нестыковок слишком много, иногда без привлечения каких-либо внешних свидетельств принималось решение, что труд представляет собой подделку. Эта процедура в последнее время пользуется дурной славой, многие ученые склоняются к большему консерватизму в отношении литературной традиции и менее подвержены влиянию каких-то внутренних, локальных свидетельств. Однако конфликт между традиционалистами и «высокими критиками»¹⁰ все еще далек от разрешения. Традиционалисты могут доказать, что в ряде важных случаев «высокие критики» не подтвердили своих гипотез. Но даже если бы все их ответы в конце концов оказались неверны, проблемы, которые увели их в сторону от традиции и убедили попробовать какие-то новые методы, уже демонстрируют их осведомленность в вопросах, никак не тревожащих типичных традиционалистов. Правильные ответы на самые серьезные из них требуют методологической рефлексии над литературной техникой великих мыслителей прошлого, над такими ее характеристиками, как неясность плана, противоречия в рамках одной работы или между несколькими книгами одного автора, оплошности в важных связях аргументации и т. д. Подобная рефлексия неизбежно выведет исследователя за привычные рамки современной эстетики и даже традиционной поэтики и, думаю, рано или поздно заставит принять во внимание феномен преследования. Упомянем другой момент — еще один аспект этой же темы. Мы иногда видим противоречие между традиционным, поверхностным, доксографическим анализом кого-то из великих писателей прошлого и более осмысленным, глубоким, монографическим анализом. Оба они одинаково точны, так как подкреплены недвусмысленными высказываниями рассматриваемого автора. И только очень немногие сейчас придерживаются мнения, что традиционная интерпретация способна отражать общедоступную, экзотерическую часть учения автора, тогда как монографический анализ касается как общедоступного, так и тайного, эзотерического учения.

Современные исторические исследования, возникшие в эпоху, когда преследование уже скорее просто вспоминают, чем ощущают на собственном опыте, пытаются разрушить тенденцию «чтения между строк» и осуждают попытки признавать приоритет фундаментального замысла автора над теми мыслями, которые он чаще всего озвучивает. Любая попытка возродить прежний подход в нынешний век историцизма сталкивается с проблемой поиска критерия: что принимать во внимание, а что нет. Если существует взаимозависимость между преследованием и чтением между строк, то один из критериев таков: рассматриваемая книга должна быть создана в эпоху преследования, то есть в то время, когда политические или иные принципы навязывались с помощью закона или обычая. Еще один критерий заключается в следующем: если талантливый автор имеет светлый ум, хорошо знает устоявшиеся в государстве правила и противоречит им только тайно, при этом внешне придерживаясь каких-

---

10. Высокая критика (библейская историко-литературная критика) занимается исследованием священных книг с целью их атрибуции, датировки и выяснения источников. — *Прим. пер.*

то других предпосылок и выводов, подозрение, будто он выступает в оппозиции к системе, будет закономерным — и мы должны взяться за изучение его книги с самого начала, с гораздо большим вниманием и с меньшей наивностью, чем когда-либо ранее. Иными словами, в ряде случаев мы считаем недвусмысленные «внешние» свидетельства доказательством того, что автор выразил свои взгляды по наиболее важным вопросам именно между строк. Такие высказывания, однако, не всегда появляются во введении или других заметных частях книги. Некоторые из них даже невозможно заметить, не говоря уже о том, чтобы понять, поскольку мы ограничены рамками представлений о преследовании и привычным отношением к свободе высказываний, которые главенствуют последние триста лет.

III

Понятие преследования охватывает большое многообразие явлений, от наиболее жесткого типа, воплощенного испанской инквизицией, до самого мягкого — социального остракизма. Между этими крайними формами существуют явления, которые и считаются наиболее важными с точки зрения литературной и интеллектуальной истории. Они проявлялись в Афинах V и IV веков до н.э., в некоторых мусульманских странах раннего Средневековья, в Голландии и Англии XVII века, Франции и Германии XVIII — все это относительно либеральные периоды. Одного взгляда на биографии Анаксагора, Протагора, Сократа, Платона, Ксенофонта, Аристотеля, Авиценны, Аверроэса, Маймонида, Гроция, Декарта, Гоббса, Спинозы, Локка, Бейля, Вольфа, Монтескье, Вольтера, Руссо, Лессинга и Канта¹¹, а в некоторых случаях и одного взгляда на титульные листы книг этих авторов достаточно, чтобы понять: хотя бы на протяжении каких-то периодов жизни они были свидетелями или страдали от преследования более жесткого, нежели социальный остракизм. Нельзя нам также закрывать глаза на факт, которому власти не уделяют достаточного внимания: преследование религиозное и преследование «свободного исследования» не равнозначны. Были времена и страны, когда и где свобода вероисповедания была разрешена, а вот свобода исследований — нет¹².

Мнение людей касательно свободы общественных дискуссий, несомненно, зависит от того, что они думают о народном образовании и его границах. По большому счету досовременные философы были менее смелы в этом отношении, чем современные. Начиная со второй половины XVII века все большее количество неортодоксальных мыслителей, страдающих от преследования, публиковали свои книги не только для того, чтобы делиться своими взглядами, но и чтобы внести вклад в уничтожение преследования как такового. Они верили, что подавление свободы исследований и за-

---

11. Что касается Канта, чей случай идеален, даже такой историк, как Воган, которого меньше всего можно поставить под подозрение или подвергнуть скептицизму, отмечает: «Мы практически приходим к тому, чтобы заподозрить Канта в насмешках над своим читателем и скрытой симпатии к революции» (Vaughan, 1939, vol. 2: 83).

12. См. «Фрагмент»: Lessing, 1925c: 38 ff.

прет на публикацию итогов были всего лишь временным результатом неправильной организации общества и государства и что царство всеобщей тьмы можно заменить республикой всеобщего света. Они ждали то время, когда в результате распространения народного образования станет возможна практически полная свобода слова; или — преувеличим ради большей ясности — то время, когда никто не будет подвергаться опасности из-за того, что услышал правду¹³. Они утаивали свои убеждения только в той мере, в которой это обеспечивало им максимальную безопасность. Будь их работы более трудными для восприятия, они бы не смогли достигнуть цели, которая состояла в том, чтобы просветить как можно большее количество простых людей. Читать их книги между строк относительно легко¹⁴. Совсем другой была позиция более древних мыслителей. Они считали, что пропасть, разделяющая «мудрецов» и «плебс», является базовой характеристикой человеческой природы, и этот факт не изменится лишь благодаря развитию народного образования: философия, наука — по сути своей привилегия избранных. Эти мыслители были уверены в том, что философия опасна для большинства людей — и этим большинством ненавидима (Цицерон, 1975: II, 4; Платон, 1994б: 64 b; Платон, 1994а: 529 b2–3, 494 a4–10). Если бы даже авторам с подобными взглядами нечего было бояться со стороны круга определенных лиц, облеченных политической властью, они, исходя из вышеуказанной предпосылки, неизбежно должны были бы прийти к выводу, что публичное обсуждение философской или научной истины невозможно или нежелательно — всегда, в любое время. Они вынуждены были скрывать свои убеждения ото всех, кроме таких же точно философов, как они сами, либо ограничиваясь сугубо устными наставлениями для тщательно подобранной группы учеников, либо излагая наиболее важные вопросы в виде сжатых сообщений-знаков (Платон, 1994б: 28 c3–5; Платон, 1994в: 332 d6–7, 341 c4–e3, 344 d4–e2)¹⁵.

13. Вопрос о том, возможно ли достижение этой предельной цели в каких-либо иных условиях, кроме как в самых спокойных, поднимает в наше время Арчибальд Маклиш в: MacLeish, 1940. Он пишет: «Возможно, роскошь абсолютного признания, предельного отчаяния, крайнего сомнения сами по себе должны опровергаться авторами, живущими в спокойные, благоустроенные эпохи. Я не знаю».

14. В особенности я думаю о Гоббсе, чье значение в деле, о котором шла речь выше, трудно переоценить. Это хорошо понимал Тённис, который подчеркивал следующие два высказывания своего героя: «Paulatim eruditur vulgus» [«Чернь постепенно учится». — *Прим. пер.*] и «Philosophia ut crescat libera esse debet nec metu nec pudore coerenda» [«Чтобы возникнуть, философия должна быть свободной, и ее не должны сдерживать ни страх, ни стыд. — *Прим. пер.*]. См.: Tönnies, 1925: iv, 195. Гоббс также говорит: «Подавление теорий приводит только к единению и ожесточению тех, кто в них уверовал, усиливая их злобу и силу» (Hobbes, 1839: 242). В своей работе «О свободе и необходимости» он пишет маркизу Ньюкаслу: «Если говорить о большей части человечества — рассматривая людей не такими, какими они должны быть, а такими, какими являются на самом деле, — то, должен признаться, наша дискуссия по данному вопросу скорее повредила бы им, чем укрепила бы их благочестие, и посему, если бы только его светлость [епископ Бремхолл] не пожелал моего ответа, я бы не писал его; и пишу, лишь надеясь на то, что ваши светлости сохранят его в тайне».

15. То, что упомянутый выше взгляд совместим с принципами демократии, показано наиболее ясно у Спинозы, который был поборником и либерализма, и демократии. См.: Спиноза, 1935: XI, 2. См. его: Спиноза, 1934: 14, 17. Равно как и: Спиноза, 1935: V 35–39, XIV 20, XV (конец).

Текст по природе своей доступен всем, кто способен читать. Поэтому автор, который избрал второй путь, станет излагать вслух только такие взгляды, которые смогут быть восприняты нефилософским большинством: все его тексты будут, строго говоря, общепонятными, экзотерическими. Его публичные высказывания не во всех отношениях окажутся созвучны истине. Будучи философом, а значит, ненавидя «ложь в душе» сильнее, чем что бы то ни было еще, он не станет обманывать себя, закрывая глаза на то, что подобные тексты — не более чем «правдоподобная ложь» или «благородная ложь». Да, он предоставит своим мыслящим читателям выпутывать правду из поэтического или диалектического контекста. Но автор и не справился бы с поставленной перед собой задачей, если бы стал четко обозначать, какие из его суждений выражают благородную ложь, а какие — благородную правду. Для мыслящих читателей он и так сделает более чем достаточно, дав им понять, что он почему-то не чурается «благородной лжи» или «правдоподобных сказок». А для историка литературы главное отличие между типичным досовременным философом (которого с трудом можно отличить от досовременного поэта) и типичным современным философом заключается в их отношении к «благородной (или простой) лжи», «лжи во спасение», к «окольному пути» (Мор, 1935: конец первой главы) или «экономии правды». Порядочного читателя просто шокирует предположение, будто великий ум способен намеренно обманывать огромное большинство своих читателей¹⁶. Но, как отметил один либеральный теолог, такие подражатели находчивому Одиссею все же более искренни, чем мы, — они называют «благородной ложью» то, что мы бы просто обозначили словами «учитывать чьи-то общественные обязательства».

Общепонятная, экзотерическая книга содержит в себе два пласта, два учения: «популярное» учение наставнического характера — оно находится как бы на переднем плане; и философское учение, касающееся наиболее важных тем, — оно прописано между строк. Нельзя отрицать, что некоторые великие авторы высказали ряд важных истин, вложив их в уста какой-либо недостойной уважения личности: с помощью такого отвлекающего маневра они стремились показать, что не одобряют выражаемые слова. В связи с этим вполне понятно, почему в великой литературе прошлого мы находим так много бесов, сумасшедших, нищих, софистов, пьяниц, эпикурейцев и шутов. При этом те, к кому на самом деле адресованы подобные книги, — это и не бездумное большинство, и не настоящие философы как таковые. Это молодые люди, которые, возможно, когда-то станут философами. Именно их нужно вести шаг за шагом: от тех распространенных взглядов, которые необходимы для реализации практических (в т.ч. политических) замыслов — к абстрактной правде. С этой целью молодежь нужно направлять, указывая ей на тайные черты в рассматриваемом учении: на неясность плана, противоречия, псевдонимы, неточные повторы

---

16. Более развернутую дискуссию на тему того, что Августин называет «*magna quaestio, latebrosa tractatio, disputatio inter doctos alternans*» [«большой вопрос, туманное исследование, спор, в котором одни ученые мужи говорят „да“, а другие — „нет“»], можно найти у Гроция. См.: Гроций, 1956: Книга III, глава I, параграф 7 ff. и в особенности параграф 17, 3. См. также 9 и 10 письма из провинции Паскаля и Джереми Тейлора: Taylor, 1671: Книга III, Глава 2, Правило 5.

уже высказанных утверждений, странные обороты речи и т. д. Эти штрихи не выведут из дремоты того, кто не желает видеть леса за деревьями, но сдвинут с места все камни преткновения в сознании тех, кто способен это сделать. Вообще подобные книги обязаны своим существованием любовью зрелых авторов к молодежи¹⁷, на чью ответную любовь они надеются: экзотерические книги — это «письменные речи, вызванные любовью».

Вся «общепонятная» литература исходит из того, что существуют некие основополагающие истины, которые ни один разумный человек не станет произносить вслух, потому что это может навредить другим — в первую очередь тем, кто, будучи уязвлен неприятной для себя истиной, должен будет естественным образом нанести ответный удар тому, кто ее произнес. Иными словами, подразумевается, что свобода исследований и возможность обнародования всех результатов этих исследований не является гарантируемым правом. Экзотерическая литература по существу своему присуща нелиберальному обществу. Поэтому закономерно возникает вопрос: какую пользу такая литература могла бы принести в истинно свободном государстве? Ответ прост. В платоновском «Пире» Алкивиад, прославленный сын прославленных Афин, сравнивает Сократа и его речи с некими статуями, которые очень уродливы снаружи, но внутри содержат прекраснейшие изображения божеств¹⁸. Произведения великих авторов прошлого прекрасны даже снаружи. И все же их видимая красота — настоящее уродство по сравнению с красотой тех тайных сокровищ, которые открываются только после длительной, трудной, но всегда приятной работы. Такой приятной и нелегкой работой, мне кажется, философы считали получение образования — и всячески ее восхваляли. Образование, верили они, это единственный ответ на вечно довлеющий над нами вопрос — политический вопрос *par excellence* — как примирить порядок, который не угнетает, со свободой, которой не злоупотребляют.

Литература

- Гроций Г. (1956). О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. А. Л. Саккетти. М.: Юридическая литература.
- Декарт Р. (1989). Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / пер. с франц. Г. Г. Слюсарева // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль. С. 250–294.
- Макьявелли Н. (2004). Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пер. с ит. М. А. Юсима // Макьявелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: АСТ, Пушкинская библиотека. С. 136–468.

17. Ср.: Платон, 1994а: 539 a5–d1; Платон, 1990: 23 c2–8.

18. По мнению Алкивиада, Сократ «похож на тех силенов, какие бывают в мастерских ваятелей и которых художники изображают с какой-нибудь дудкой или флейтой в руках. Если раскрыть такого силену, то внутри у него оказываются изваяния богов» (Платон. [1993]. Пир / пер. с древнегреч. С. К. Апта // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль. 215 a–b). — Прим. пер.

- Мор Т. (1935). Утопия. Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия. М.-Л.: Academia.
- Платон. (1990). Апология Сократа / пер. с древнегреч. М. С. Соловьева // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль. С. 70–96.
- Платон. (1994а). Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль. С. 79–420.
- Платон. (1994б). Тимей / пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль. С. 421–500.
- Платон. (1994в). Седьмое письмо / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль. С. 475–504.
- Спиноза Б. (1934). Трактат об усовершенствовании разума / пер. с лат. Я. М. Боровского. Л.: ГАИЗ.
- Спиноза Б. (1935). Богословско-политический трактат / пер. с лат. М. Лопаткина. М.: ГАИЗ.
- Цицерон. (1975). Тускуланские беседы / пер. с лат. М. Гаспарова // Цицерон. Избранные сочинения. М.: Художественная литература. С. 207–357.
- Bertolini. (1875). Analyse raisonnee de l'Esprit des Lois // Montesquieu. Œuvres complètes. Т. 3. Paris: Garnier. P. 1–62.
- Blackstone W. (1765–1769). Commentaries on the laws of England. Oxford: Clarendon Press.
- Carlyle A.J., Carlyle R. (1927). A history of mediaeval political theory in the West. Edinburgh: William Blackwood and Sons.
- Catlin G. E. G. (1922). Thomas Hobbes as philosopher, publicist, and man of letters. Oxford: B. Blackwell.
- Edelstein L. (1937). Greek medicine in its relations to religion and magic // Bulletin of the Institute of the History of Medicine. Vol. 5. P. 201–246.
- Gauthier L. (1909). La theorie d'Ibn Rochd (Averroes) sur les rapports de la religion et de la philosophie. Paris: E. Leroux.
- Gauthier L. (1928). Scolastique musulmane et scolastique chretienne // Revue d'Histoire de la Philosophie. 1928. № 2. P. 221–253, 333–365.
- Grant A. (1874). The ethics of Aristotle. London: Longman, Green & Co.
- Hobbes T. (1839). The English works. Vol. 6. London: John Bohn.
- Honigswald R. (1924). Hobbes und die Staatsphilosophie. München: Reinhardt.
- Jaefer W. (1934). Aristotle: Fundamentals of the history of his development. Oxford: Clarendon Press.
- Laboulaye E. (1875). Introduction a l'Esprit des Lois // Montesquieu. Œuvres complètes. Т. 3. Paris: Garnier. P. i–lxix.
- Lessing. (1925a). Ernst und Falk // Lessing. Werke. Bd. XXI. Berlin: Bong.
- Lessing. (1925b). Leibniz von den ewigen Strafen // Lessing. Werke. Bd. XXI. Berlin: Bong.
- Lessing. (1925c). Von Duldung der Deisten H. S. Remarius: Fragment eines Ungenannten // Lessing. Werke. Bd. XXII. Berlin: Bong.
- Lubieński Z. (1932). Die Grundlagen des ethisch-politischen Systems von Hobbes. München: Reinhardt.
- MacLeish A. (1940). Post-war writers and pre-war readers // Journal of Adult Education. Vol. 12.
- Meinecke F. (1936). Die Entstehung des Historismus. München: R. Oldenbourg.
- Montesquieu. (1875). Œuvres complètes. Т. 6. Paris: Garnier.
- Renan E. (1866). Averroès et l'averroïsme: essai historique. Paris: M. Lévy.

- Sabine G. H.* (1937). A history of political theory. New York: H. Holt.
- Schleiermacher F.* (1804). Platons Werke. Bd. 1. Berlin: Realschulbuchhandlung.
- Shotwell J. T.* (1939). The history of history. New York: Columbia University Press.
- Strauss L.* (1930). Die Religionskritik Spinozas als Grundlage seiner Bibelwissenschaft. Berlin: Akademie.
- Taylor J.* (1671). Ductor dubitantium: or, The rule of conscience in all her general measures; serving as a great instrument for the determination of cases of conscience. London: Royston.
- Tönnies F.* (1925). Thomas Hobbes leben und lehre. Stuttgart: Frommann.
- Vaughan V. E.* (1939). Studies and the history of political philosophy. Manchester: Manchester University Press.
- Zeller E.* (1897). Aristotle and the earlier Peripatetics. London: Longmans & Green.